

критика и библиография

Александр УРМАНОВ

«На Амуре все ВОЗМОЖНО...»

Роман «Амурские волки» как литературный феномен

Заслуживающая серьезного отношения художественная проза в Приамурье появилась лишь в начале 1900-х годов. Правда, как обычно, в центре читательского внимания оказались отнюдь не самые качественные произведения — не повести Федора Чудакова «Из детства Ивана Грязнова» и «Дочь шамана», например. Увы, самой большой популярностью у амурских читателей начала XX века пользовался «коллективный роман из жизни Приамурья» (так гласил подзаголовок) «Амурские волки», в создании которого ключевую роль сыграл скандально известный журналист и издатель А. И. Матюшенский — единоличный автор еще нескольких подобных произведений на местном материале.

Достоверных биографических сведений о начальном периоде его жизни немного. Александр Иванович Матюшенский родился девятнадцатого октября 1862 года в селе Александров-Гай Саратовской губернии в семье священника. Образование получил в Саратовской духовной семинарии. В середине 1880-х Матюшенский, по его словам, «пошел в народ», три года провел в странствиях по Оренбургской губернии и Западной Сибири, «работал как чернорабочий и на крестьянских полях, и в шахтах золотых приисков, и на полотне железной дороги, и на крупчатной мельнице, и на пристанях Волги при нагрузке судов, точил веретена, шил сапоги, строил глинобитные крестьянские избы, учил грамоте крестьянских ребятишек». В общем, довольно типичная история: в эпоху широкого распространения народнических идей и идеалов на такие, в значительной степени мифологизированные, биографии существовал большой спрос.

В девяностые он с головой ушел в журналистику, в качестве репортера работал в газетах Самары, Екатеринбурга, Ирбита, Одессы, Кишинева, Владикавказа, Тифлиса, Баку, Москвы... Сами эти перемещения, напоминая лихорадочные метания, свидетельствуют: отношения Матюшенского — и личные, и особенно профессиональные — с коллегами складывались непросто, нередко перерастая в острую неприязнь, что в конечном итоге приводило к необходимости менять газету или даже место жительства.

В ноябре 1904 года Александр Иванович перебрался в Петербург и почти сразу же стал сотрудником одной из самых известных столичных газет либерального направления «Сын Отечества». Невероятный взлет провинциального журналиста, имевшего весьма сомнительную репутацию в среде газетчиков!

Но вскоре произойдет нечто еще более удивительное — вчера еще безвестный репортер окажется в эпицентре потрясших страну событий. Накануне ставшего

детонатором первой русской революции «кровавого воскресенья» он познакомился и тесно сошелся со священником Георгием Гапоном, принял участие в деятельности гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». Как утверждал сам Матюшенский в «Исповеди» (напечатана в начале 1906 года за границей, а в 1917-м вышла отдельным изданием в Благовещенске под претенциозным названием «Гапон и мой Антихрист: История моего безумия»), именно он по просьбе Гапона составил петицию царю, с которой девятого января 1905 года десятки тысяч рабочих и членов их семей отправились к Зимнему дворцу и встречены были винтовочными залпами. В той же «Исповеди» он цинично признавался, что писал петицию «в полной уверенности, что она объединит полусознательную массу, поведет ее к царскому дворцу, — и тут, под штыками и пулями <...> эта масса прозреет <...>. Расчет мой оправдался в точности».

О. Ф. Федотова, опираясь на рассказ дочери Александра Ивановича, утверждает, что «кровь, пролившаяся на улицах столицы, потрясла Матюшенского», что «в расстреле мирного шествия он видел огромную долю своей вины, безумно мучился всю оставшуюся жизнь...»*

У людей, которые лично знали Матюшенского, слова про его «безумные мучения» вызвали бы, наверное, гомерический хохот. Вот, например, как отреагировал на «Исповедь» Матюшенского хорошо знавший его по совместной работе в Самаре в 1895–1896 годах М. Горький. В письме, адресованном А. В. Амфитеатрову, редактору выходившего в Париже журнала «Красное знамя», в котором и была напечатана «Исповедь», Алексей Максимович, в частности, писал: «Матюшенского я знаю, работал вместе с ним в «Самарской газете». Это — неудачный псаломщик, гнилая душа, длинный и жадный желудок. Такие люди воспринимают жизнь брюхом, и в мозгу у них — всегда есть какая-то вонючая, серая слизь. Эти люди органически чужды правде, и все для них — зеркало, в котором они видят свои зубы, постоянно голодные. <...> Вы гоните прочь Матюш[енского], а то он напакостит вам».

Упомянем еще один факт биографии, дающий представление об исповедуемых Александром Ивановичем «высоких» моральных принципах: выпускник духовной семинарии при живой жене с тремя детьми, младшему из которых не было и двух лет, вступил в гражданский брак с Ниной Васильевной Бурдиной — «акушеркой-массажисткой» из Петербурга. Это произошло в 1906-м.

А в мае 1910 года Матюшенский переехал в далекий Благовещенск, где, как он полагал, удастся отсидеться до поры в тени. Свою фамилию он первое время скрывал, жил по фальшивому паспорту, выписанному на Бурдина Александра Ивановича, — то есть укрывшись за фамилией своей гражданской жены. «Конспирация» понадобилась потому, что, несмотря на пять прошедших с «кровавого воскресенья» лет, подлинная его фамилия была слишком памятной для российской общественности, слишком густой шлейф скандальных разоблачений тянулся за ней.

В Благовещенске Матюшенский вначале сотрудничал с газетой «Амурский листок», подписывая свои материалы псевдонимами А. И. Седой, А. Иванович, Изгой. Позже он стал издавать собственные газеты «Амурский пионер» (1911–1912) и «Благовещенское утро» (1912–1917). Именно на их страницах в 1912 году увидел свет коллективный роман «Амурские волки», принесший Матюшенскому литературную известность и определенный доход. В том же году роман был выпущен отдельной книгой, а затем в течение короткого времени дважды переиздан — в 1913 и 1914 годах.

* Федотова, О. Ф. Бестселлер начала века... С.7.

Роман «Амурские волки» весьма объемён: включает в себя сто пять глав! Совершенно очевидно, что авторов произведения следует искать среди сотрудников газет «Амурский пионер» и «Благовещенское утро», на страницах которых и печатались «Амурские волки».

Как предположил А. В. Лосев, помимо Матюшенского, написавшего львиную долю глав «коллективного романа», в создании произведения приняли участие Н. В. Колодезников и Е. А. Михайлова, сотрудничавшие с газетами, которые издавал А. Седой.

В советское время «коллективный роман» в полном объеме не переиздавался. Лишь в альманахе «Приамурье» в 1956 году были опубликованы несколько глав из него с кратким предисловием Г. С. Новикова-Даурского. Автор предисловия признает, что роман не отличается высоким художественным уровнем. Ценность «Амурских волков», по мнению Новикова-Даурского, состояла в другом — в том, что они «довольно правдиво показывают мораль и нравы дальневосточной буржуазии начала XX века, разоблачают звериную сущность известных амурских воротил <...>, наживших громадные капиталы путем обмана, воровства и кровавых преступлений».

Доподлинно неизвестно, чем руководствовался Новиков-Даурский, составляя предисловие, но результат очевиден: вольно или невольно краевед дал искаженную картину, представив авторов «коллективного романа» как принципиальных противников буржуазного строя, как бесстрашных обличителей язв капитализма, то есть чуть ли не как идейных союзников большевиков.

В «лихие девяностые» роман «Амурские волки» пробудил у части читателей ажиотажный интерес. Эту издательскую конъюнктуру почувствовала газета «Благовещенск», начавшая републикацию произведений Матюшенского, подаваемых как литературная сенсация. Тогда же редакция «Благовещенска» предприняла попытку перепечатать роман в газетном варианте, однако в городе не удалось отыскать ни одного экземпляра книги, вышедшей тремя изданиями. Ее нашли лишь в Российской государственной библиотеке (бывшая Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). По запросу дирекции Амурского областного краеведческого музея отсюда была прислана копия-микрофильм романа. Перепечатка «Амурских волков» в «Благовещенске» началась в январе 1991 года и растянулась почти на весь год.

Читательский интерес к произведению был настолько велик, что появилась мысль выпустить «коллективный роман» отдельным изданием. Нашлись и спонсоры недешевого издательского проекта — благовещенские предприниматели Э. В. Лисогор и В. А. Золотарев.

«Амурские волки», иллюстрированные художником Юрием Наконечным, были переизданы в 1996 году десятитысячным тиражом*. «Коллективный роман» предваряла вступительная статья Ольги Федотовой. Подготовленная к печати в Благовещенске книга печаталась в Новосибирске, в типографии издательства «Советская Сибирь». С реализацией проблем не было: роман разошелся за три месяца, и сейчас он — библиографическая редкость.

Какая-то, и немалая, часть публики, действительно, нуждалась в таком «искусстве». Подтверждение тому — успех спектакля по роману «Амурские волки», поставленного в марте 1914 года на сцене Благовещенского театра антрепренером А. М. Долиным. Постановка эта стала главной сенсацией театрального сезона. Из-за беспрецедентного для Благовещенска наплыва зрителей, помимо двух премьерных спектаклей, пьесу показали еще трижды. Как свидетельствуют газеты того

* *Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья.* — Благовещенск, 1996. — 448 с.

времени, в театр валом валил народ — контрабандисты, сутенеры, проститутки и, что особенно удивительно, купцы-молокане.

Чем же может быть интересен пресловутый «коллективный роман» современному читателю, не являющемуся любителем «низкопробной бульварной беллетристики», тем более вековой давности? «Амурские волки» содержат полный набор свойств и штампов этого специфического жанра массовой литературы. Герои произведения, как и полагается в подобных случаях, — обитатели городского «дна»: контрабандисты, старатели, бандиты (в том числе, этнические — хунхузы), воры, блудницы, разбогатевшие на мошенничестве купцы, продажные чиновники. Места действия — соответствующие: тюремные камеры, притоны, «веселые» дома, игорные заведения, жилища новоявленных богатеев. Что касается сюжетных событий, то и здесь — соответствие канону: хроника городских криминальных происшествий, финансовые и имущественные аферы, грабежи, убийства, захватывающие погони, кипение любовных страстей, сводничество, коварные интриги.

Однако «Амурские волки» — больше, чем бульварный роман. На книгу можно посмотреть и как на зеркало, отразившее, пусть и в искривленном и утрированном виде, то, что реально происходило в начале XX столетия в Приамурье. Почти все ее сюжетные линии и ответвления основываются на подлинных событиях. Это и ограбление транспорта, перевозившего золото с Ниманских приисков, и громкие убийства, и обстрел Благовещенска, русско-китайский вооруженный конфликт 1900 года и последующее разграбление имущества изгнанных на правый берег Амура или утонувших при переправе китайцев, и массовые волнения периода первой русской революции, и скандальные истории поджога пароходов, магазинов и домов их же владельцами — ради получения страховых выплат, и многое другое. Подавляющее большинство этих историй освещалось в прессе, в том числе в газете «Амурский край» (1899–1910), представленной в романе под пародийным названием «Пропавший край».

Возглавляемый и направляемый Матюшенским авторский коллектив — это не писатели, не художники слова в привычном смысле, а газетные репортеры, журналисты-поденщики. То есть люди, профессиональные навыки которых состояли не в литературном творчестве как таковом, не в создании условного художественного мира и вымышленных персонажей, а в оперативном отражении вызывающих общественный интерес фактов и явлений повседневной действительности — того, что они видели собственными глазами, что слышали от очевидцев, узнавали от свидетелей или собственных информаторов. Эти люди по роду своей деятельности вырабатывали, вынуждены были вырабатывать профессиональное умение найти, обнаружить в потоке будничной жизни незаурядные явления и тенденции, даже если они еще слабо проявлены, ярко, броско подать их, по возможности превратить в сенсацию, то есть в товар, пользующийся повышенным спросом на провинциальном газетном рынке.

Взявшись за создание романа — то есть, по большому счету, не за свое дело, авторы «Амурских волков» избрали самый простой и естественный для них путь: по-дилетантски копируя, имитируя жанровые и языковые клише отчасти мелодрамы, отчасти детектива, отчасти уголовно-авантюрного романа, выстраивая разветвленную сюжетную интригу, в центре которой — ограбление транспорта с крупной партией приискового золота, они заполняли непривычную для них жанровую форму привычным содержанием — тем, что было под рукой, чем они профессионально владели. Используемый фактический материал был накоплен ими за годы работы в провинциальных редакциях — своеобразных информационных центрах, куда стекались все более или менее значимые сведения о жизни Благовещенска и в целом Приамурья.

В ту пору провинциальные газетчики были едва ли не самой информированной частью просвещенного сообщества. И репортеры, и редакторы такого рода изданий были в курсе всех местных новостей, особенно криминальных, досконально знали, что происходило в городе и крае, знали всех заметных представителей основных групп населения, всех публичных деятелей. Им были известны не только парадные стороны жизни, но и ее изнанка. Они были осведомлены о нравах, царивших на разных уровнях провинциального социума, включая «дно». Они и сами были частью мира, о котором рассказывали.

Большая часть описываемых в романе событий, персонажей, совершаемых ими поступков не является плодом чистого вымысла, проявлением буйной, ничем не ограниченной фантазии авторов. Материал для «Амурских волков» в основном черпался из того же самого информационного потока, который питал газетные публикации. Правда, у авторов романа были в большей степени развязаны руки: они могли основываться не только на достоверной информации, но и на слухах, предположениях, в том числе фантастических. Не было у них и необходимости строго выдерживать хронологию, воссоздавать события в их подлинной исторической последовательности. Заменяв настоящие имена прототипов вымышленными — либо легко узнаваемыми (так, купцы Алексеевы предстали в романе как Алехины, Косицыны — как Покосовы, Семеров — как Семеркин), либо откровенно фельетонными (Искарियोтова, Хулиганов, Подхалимов, Трутнев), авторы юридически обезопасили себя от обвинений в клевете, в покушении на честь и деловую репутацию известных в городе и крае людей. И в то же время сделали все возможное, чтобы по деталям современники легко догадывались, кто имеется в виду. Интерес к «Амурским волкам» во многом был вызван тем, что в романе искали (и находили) подтверждение слухам, в том числе самым невероятным, о реальных лицах и подоплеке реальных же событий. Произведение воспринималось частью читателей как «срывание всех и всяческих масок» с действительности, как обнажение подлинной, неприглядной и потому замалчиваемой, скрываемой властью правды жизни.

Однако «Амурские волки» дают представление не только о социальной жизни Приамурья начала двадцатого столетия, но и о сознании тогдашних людей. Произведение показывает, чем, какими интересами и заботами они жили, к чему стремились, что обсуждали, как воспринимали окружающий мир и своих современников.

Авторы коллективного романа, в своей основной работе ориентировавшиеся на вкусовые предпочтения, информационные и эстетические запросы провинциальной читающей публики, во многом походили на нее. Ведущий автор «Амурских волков» вполне мог стать и одним из прототипов романа, в котором действуют разного рода авантюристы. По крайней мере, для человека с таким жизненным багажом, как у него, вряд ли могла быть тайной за семью печатями психология подобных героев.

Соавторы А. Седого да и он сам выстраивали повороты сюжета, характеры и взаимоотношения героев, их внутренний мир, их речь в соответствии со своим жизненным и профессиональным опытом, со своими представлениями о том, как на самом деле устроены российская действительность и русский человек.

Прочтение романа под определенным углом зрения может помочь реконструировать сознание, систему ценностей весьма распространенной категории читателей предреволюционной эпохи. Речь не об интеллектуальной и культурной элите российского общества, не о той сравнительно узкой и замкнутой части социума, которая ментально ощущала себя в координатах культуры Серебряного века, которая впитывала идеи русской классики и религиозной философии начала столетия. И не о составляющем большинство населения тогдашней России крестьянстве, жившем заботами о хлебе насущном, тесно связанном с землей, с

естественным, природным течением бытия. В данном случае имеется в виду самый мощный, срединный слой городского, так называемого «просвещенного общества». В основном его составляли провинциальные чиновники, выборные и служащие органов и учреждений местного самоуправления, служащие частных компаний, провинциальные газетчики, часть имеющего весьма специфические культурные запросы мещанства, мелкая и средняя буржуазия.

Вопреки утвердившемуся еще в советское время мнению, идейный смысл романа не сводится к обличению «морали и нравов дальневосточной буржуазии», к выявлению «звериной сущности» «местных буржуазных воротил», наживающихся на спекуляции, грабежах и убийствах. Хотя и эти стороны действительности получили впечатляющее отражение в «Амурских волках». Однако мораль и нравы буржуазных дельцов в романе ничем не отличаются от морали и нравов представителей иных групп населения.

Инициатор ограбления транспорта с двадцатью пудами золота купец Василий Александрович Алехин, один из самых богатых людей города, не останавливается «перед любым преступлением, перед любым мошенничеством». Этот человек «с тупым лоснящимся лицом» двадцать лет назад, когда он еще был Алехой Тимохиным, из-за золота «товарищей своих прикончил и стал богат». Он и сейчас способен ради наживы погубить доверившегося ему человека, хотя нынешний статус вынуждает его осторожничать, совершать злодеяния преимущественно чужими руками.

Примерно так же, как Алехин, действуют и другие персонажи, представляющие разные сословные группы, но одинаково легко нарушающие заповедь «не убий».

Самые чудовищные зверства, жертвами которых становятся даже дети, совершает банда Антонины Искарриотовой — известной в городе женщины, героини событий русско-китайской войны. Яркая, умная, хладнокровная Искарриотова была центром кружка «жуирующих людей и царила в нем, распорядясь и сердцами, и кошельками». А темными ночами она тайно приходила к полицейскому чину Звонареву и подолгу беседовала с ним. О чем — становится понятно, когда однажды ранним утром Искарриотова со спутниками, одетыми под кавказцев, подъехала к дому купца, у которого, по ее сведениям, должно было быть на руках двадцать тысяч рублей. После того, как она отравила собак, а спутники фомкой сняли дверь с петель, Антонина вошла в дом и стала хладнокровно расстреливать из браунинга всех, кто ей попадался: в прихожей хозяина, в спальне пожилую женщину, прячущегося за нее «хорошенького мальчика лет четырех», затем крепкого молодого человека, который выскочил с топором в руке, шестнадцатилетнюю девушку, далее девочку лет шести, юношу лет шестнадцати со столовым ножом в руке, здорового мужчину с поленом в руке, видимо, кучера... Вместо денег, правда, убийцы нашли расписку, в которой говорилось, что хозяин дома накануне внес в банк те самые двадцать тысяч, из-за которых была устроена страшная резня.

Зверские убийства взволновали город, но Звонарев так вел следствие, так умело направлял общественное мнение, что все стали думать на кавказцев. А вскоре произошло еще одно жестокое преступление: «Вырезана семья кассира городской управы. Разбойники и тут действовали дерзко и зверски жестоко. Вместе с другими зарезан был и ребенок лет пяти». И все это — ради контрабандного золота, хранившегося у хозяина.

Такая вот амурская «Кущевка» столетней давности... В то, что такое могло произойти, поверить трудно, почти невозможно. Однако сомневаться не приходится: авторы «Амурских волков» описывали не вымышленные, а подлинные случаи.

Двигатель всех совершаемых в «коллективном романе» преступлений — корысть, алчность, неутолимая жажда наживы. Золота, денег вожделеют все: убий-

цы и грабители, тюремщики и тюремные сидельцы, «святые старцы» и рядовые члены молоканской общины, таможенники и контрабандисты, крупные купцы и мелкие торговцы, чиновники всех рангов, судьи, дознаватели, полицейские... Ради наживы многие из них готовы пойти на преступление. Хотя, наверное, называть их «преступниками» не вполне правильно. Они в большинстве случаев даже не осознают, что что-то преступают. Преступать — значит что-то преодолевать в себе, хотя бы страх перед законом или Богом, подавлять жалость к другому человеку или же брезгливость, отвращение к собственному поступку, задуманному или уже совершенному. Здесь же нет никакого внутреннего преодоления, никакого осознаваемого преступания норм морали, а после совершения мошенничества или кровавого злодеяния — никаких мук совести, ни даже тени раскаяния или хотя бы сожаления. Герои романа пребывают в полной уверенности: позволено все, что ведет к обогащению, к личному преуспеянию.

Купцы и промышленники Арносов, Августов, Алехины, Покосовы беспрестанно жульничают, но точно так же, а в некоторых случаях и более беззастенчиво и нагло, жульничают чиновные люди, государственные служащие: Балюшевич, Звонарев, не названный по имени «чиновник особых поручений при губернаторе», влиятельные городские чиновники одинаково безликие, алчные и продажные — Андрей Андреевич, Григорий Григорьевич, Петр Петрович, Федор Федорович... Если купцы — это преимущественно «волки», способные загрызть жертву, то чиновники в образной системе романа — трусливые «шакалы», стремящиеся урвать кусок пожирней с пиршественного стола первых. Так, например, когда слухи об очередном крупном мошенничестве Алехина с поддельным золотом (на сорок тысяч «нагрел» китайских перекупщиков) стали известны в городе, к нему тут же потянулись «шакалы» — городские чиновники, вымогающие взятки. Сначала появились люди «первого разряда», человек шесть (всем пришлось дать), потом чиновники «второго разряда» (давал меньше и выборочно), потом стала одолевать всякая мелкота (этих гнали в шею).

Но чаще всего «волки» и «шакалы» действуют сообща, сбиваясь в стаи. Все они — представители государственной и муниципальной власти, правоохранители, судьи, буржуазные дельцы, уголовники — тесно сплетены в один ядовитый клубок, в один гигантский «кооператив», подобие единой партии — партии тогдашних жуликов и воров. Главное, что всех их объединяет — жажда наживы и хищнические наклонности. Мир романа населен множеством зооподобных существ — персонажей, которых и они сами, и другие герои, и авторы бесчисленное число раз именуют волками и шакалами. Слово «волк» (вместе с производными) — самое частотное и концептуально значимое в книге. Помимо заглавия произведения, оно присутствует в названиях десяти глав. Слово «шакал» фигурирует в названиях трех глав.

Уподобление персонажей хищным животным, зверям имеет вполне объяснимую мотивацию, так как в литературной традиции зверь — это, прежде всего, инстинкт, торжество плоти, мир плоти, освобожденной от души. Сказанное справедливо по отношению к большинству персонажей «коллективного романа». Это не люди, а звероподобные существа, утратившие (или никогда не имевшие) представление о высшем смысле человеческого бытия, не знающие простых человеческих чувств и добродетелей — любви, нежности, верности, жалости, сострадания. В этой среде волчьими наклонностями принято не стыдиться, а гордиться, их не только не маскируют, но, напротив, демонстрируют. Волчья душа тянется к себе подобной. Потому-то купец Иван Арносов, сделавший состояние на воровстве и обмане, ничуть не расстраивается, узнав, что жена обманывала его, изменяла ему с другим отъявленным мошенником — Леонтием Балюшевичем. «Да ты, Софочка, не волнуйся, — успокаивает он ее. — Лишь бы душой ты от меня не ушла... А я

знаю, что не уйдешь. Душа-то твоя родная сестра моей душе. Одинаковые они у нас с тобой, Софочка, одинаковые. Волчьи, матушка, волчьи!» И обманутый муж предлагает жене для удобства встречаться с любовником не в гостинице, а у себя дома. И даже просит ее сильнее «приворожить» Леонтия — чтобы наладить с тем более тесные деловые отношения и на этом «заработать толику». Балюшевича такой поворот тоже несколько не смущает, ибо натура у него такая же волчья, как и у двуногих хищников Арносовых.

Широкое применение в «Амурских волках» зооморфных сравнений и уподоблений напрямую связано с отразившейся в романе духовно-нравственной деградацией и отдельных людей, и всего общества.

Вот один из случаев объединения волков и шакалов в преступные стаи, описанный в романе и имевший под собой реальную историческую основу, — разграбление китайских лавок, складов и жилых домов после событий июля 1900 года: «Образовалась целая шайка. Товары на глазах всего населения города вывозились <...> и бесследно исчезали». Шайку возглавляет Звонарев. Когда-то этот хорошо информированный господин служил на почте, а сейчас на нем мундир могущественного государственного ведомства. Вокруг Звонарева и его помощников по службе (и криминальному промыслу) Ломягина и Костеренко собирается весьма разношерстная публика: представители городских властей, бандиты, купцы, мелкие спекулянты, служители правопорядка. Среди них оказываются и такие колоритные фигуры, как Антонина Искаротова, Кузька Подхалимов, Трутнев. Шайка действует в открытую, но никто из власть предержащих не реагирует — все «в доле»: «Все это было известно городскому голове и сиротскому суду. Но голова и суд молчаливо покрывали этот грабеж. В сиротском суде в то время сидел секретарь, составлявший отчеты опекунам, выводивший дутые цифры и прикрывавший всякий грабеж. При таких условиях все сходило с рук безнаказанно».

Авторы «коллективного романа» словно убеждают читателей: одолеть волков и шакалов невозможно, ибо они приспособляются к любым изменениям социально-политической конъюнктуры. Чтобы нагляднее продемонстрировать способность героев к мгновенной социальной мимикрии, авторы романа отступают от хронологии и переносят главарей шайки грабителей китайского имущества из 1900 года сразу в 1905-й, то есть в социально-исторический контекст первой русской революции.

В городе начинаются народные волнения: «Тысячные толпы ходили по улицам, собирались на площадях. В народе мигом приобрели права гражданства досель неслыханные слова: свобода, митинг, конституция, революция, оратор, лидер, платформа и т. д. И эти новые слова как будто электризовали публику. Все были возбуждены и все желали великих дел и героических поступков. В водоворот этого возбуждения и попал Звонарев со своими сподвижниками. От них потребовали отчета в их действиях. <...> Перепуганный насмерть Звонарев тотчас <...> принес покаяние и поклялся, что отныне будет верным слугой народа и, если потребуется, умрет за свободу».

Судя по саркастическому тону, с которым описывается энтузиазм участников революционных шествий и внезапное «прозрение» жуликов от власти, главу о 1905 годе, похоже, писал автор «Исповеди» Матюшенский. Видимо, никаких иллюзий по поводу того, что социальный переворот, смена формы правления могут изменить сущность человека и порядки в стране, в 1912 году он уже не питал.

В таком же ключе выдержан и финал романа, который не укладывается в привычную схему. Порок хотя и наказан, но очень избирательно. Из всех представших на страницах произведения многочисленных убийц, грабителей, мошенников пострадали лишь трое: на пять лет каторжных работ осуждены горе-поджигатель

Хулиганов и заказчик поджога Федор Покосов, десять лет каторги получила Искаротова. Про торжество добродетели говорить вообще не приходится. Финальный абзац таких надежд не обещает ни в настоящем, ни в будущем: «Кузька Подхалимов избран гласным Думы и с нетерпением ждет назначения почетным мировым судьей. Это его мечта. И, говорят, она исполнится. В наше время все может быть».

Те процессы в социальной жизни и общественной морали, которые отразились в романе, не были результатом мгновенной трансформации, они созревали и подготавливались не одно десятилетие, а ускорение получили в эпоху бурного развития капитализма. Процессы эти, разумеется, имели отнюдь не региональный характер, они действовали во всей России, но на Амуре — особенно быстро и агрессивно. И по причине удаленности амурских земель от центра государства, от основных институтов власти, и в силу геополитической необходимости создать здесь благоприятные условия для ускоренного освоения присоединенных к России обширных пространств. А еще потому, что сюда, на новые земли, прославившие «русской Калифорнией», краем, где можно сказочно быстро разбогатеть, слетались во множестве любители наживы, лихие, склонные к аферам дельцы, в том числе и уголовники.

На Амуре концентрация мошенничества была выше, чем в Центральной России. Один из братьев Покосовых, Федор, нанявший Володю Хулиганова поджечь ради страховки собственный пароход, груженный не пушниной, как значилось в документах, а битым стеклом и другим хламом, успокаивает родственника, опасющегося каторги: «Тут не Россия. Тут и не такие дела сходят с рук». На реплику Хулиганова, что де в России законы везде одни, он уверенно отвечает: «Законы-то одни, да люди другие. В России, ежели ты поджег пароход, так шум поднимется на весь мир. А тут... посмеются немного, и все тут».

Если верить «коллективному роману» деградация затронула многие сферы жизни. Бурными темпами утверждающийся на Амуре «дикий капитализм» и сопровождающий его культ наживы и чистогана создают максимально благоприятные условия для развития и проявления худших человеческих качеств. Все возвышенное постепенно сходит на нет, вытесняясь низменным, порочным. Серьезным испытаниям подвергаются традиционные семейные ценности, институт семьи и брака: «В городе вообще на «свободную» любовь смотрели довольно легко, и всевозможные сожителства ни в ком не вызывали удивления». Процветает сводничество, не пустуют «веселые дома». Выведенные в романе женщины ощущают в себе не любовь, а «инстинкт самки», «половое возбуждение», «половой психоз», в лучшем случае «безумную страстность». И практически все они воспринимают себя как товар, который можно выгодно продать. В свою очередь, для мужчин женщина — «лакомое блюдо», «кушанье», которого хочется «отведать». Дети, подростки из бедных семей попадают в ловко расставленные сети богатых развратников (пивной заводчик Августов). Множатся наркоманы, которыми переполнена тюрьма. В общем, печальная картина, разительно похожая на ту, которую рисуют средства массовой информации периода современных «рыночных преобразований».

В отсутствие испарившейся неведомо куда подлинной веры, подлинного религиозного чувства у человека не находится внутренних сил для противостояния злу и пороку. Внешних сдерживающих факторов в обществе тоже практически не осталось: власть поражена тотальной коррупцией, а церковь все в большей степени становится местом отправления формального ритуала, почти не связанного с душевно-духовной жизнью человека. Посещение храма может чередоваться с совершением преступлений, с мошенничеством, и это не воспринимается как что-то несовместное. Так, об одном из самых отъявленных жуликов католике Балюшевиче говорится, что «он был человек религиозный» и церковь «посещал аккуратно каж-

дое воскресенье». В силу цензурных причин авторы «Амурских волков» не могли поставить под сомнение авторитет православной церкви, поэтому о ней вообще не упоминают. Зато целых три главы посвящают порядкам в молоканской общине Благовещенска. Суть этих порядков предельно проста: согрешил, смошенничал — отдай «десятину» Богу, точнее, «святым старцам», руководителям общины, а уж они «отмолят», «снимут грех». Не поделился — главари общины сделают все, чтобы человека постигла кара, причем не небесная, а земная. То есть и здесь царят те же самые волчьи законы и нравы, что и в мирской жизни.

Таким образом, можно заключить, что авторы «Амурских волков», преследуя прежде всего коммерческие цели, не ставя перед собой серьезных художественных задач, произвольно перемешивая правду с вымыслом, подлинные факты со сплетнями, отразили в своем бульварном романе многие язвы современного им общества.

Что зафиксировал их взгляд? Если сказать коротко, ситуацию, при которой главной, чуть ли не единственной настоящей ценностью для большинства жителей Приамурья является нажива, неважно какой ценой (убийствами, грабежами, воровством, мздоимством, жульничеством, сводничеством, торговлей телом) приобретенные деньги. Вопреки, быть может, собственным намерениям, авторы обнаружили повсеместную утрату людьми и религиозного, и государственного, и национального сознания, практически полное исчезновение нравственных и духовных идеалов в повседневной жизни российской глубинки, в непосредственной практике основных сословных групп населения. Иначе говоря, явственные признаки разложения, серьезного духовно-нравственного недуга, поразившего значительные слои русского общества в канун больших исторических испытаний 1914–1917 годов.

P.S. Дальнейшая судьба А. И. Матюшенского сложилась так. В 1921 году за попытку переправить статью в Харбин власти ДВР приговорили его к смертной казни. Но кассационный суд отменил ее. Однако Александр Иванович решил не искушать судьбу и в 1923 году бежал с семьей в Харбин, где и умер в 1931 году.

